

ЗАПИСКА О ЧУМНОЙ ЗАРАЗѢ

ВЪ КРѢПОСТИ ВАРНЫ ВЪ 1829 ГОДУ (*).

Свирѣпствовавшая, въ 1829 году, въ турецкой крѣпости Варны, чума принадлежитъ къ историческимъ событіямъ послѣдней войны съ Турками. Событіе это, какъ не состоявшее въ какой-либо связи съ военными дѣйствіями, мало извѣстно, но по

(*) Доставленіемъ документовъ, послужившихъ матеріалами при составленіи предлагаемой вниманію нашихъ читателей записки, равно какъ и самою запискою, сдѣлашеюся достояніемъ архива, мы обязаны сыну покойнаго генерала и офантеріи Е. А. Головина, камеръ-юнкеру Двора Его Императорскаго Величества Сергею Евгеніевичу Головину, которому мы искренно признательны за то, что онъ подѣлился съ нами этими вполнѣ значительными документами. Мы надѣемся, что и читатели наши, прочтя предлагаемую записку, также отъ души поблагодарятъ С. Е. Головина.

Заслуги покойнаго генерала Головина обязываютъ насъ напомнить, при удобномъ случаѣ, нашимъ читателямъ главные черты изъ его служебной жизни.

Евгеній Александровичъ Головинъ, родившійся въ 1782 г., вступилъ въ службу подпоручикомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ въ 1797 г. Онъ участвовалъ въ походѣ Суворова въ 1799 г., въ 1805 г. въ войнѣ съ Французами и въ Турецкой кампаніи; 31 января 1811 г., Головинъ назначенъ командиромъ Фанаторійскаго гренадерскаго полка и въ этомъ званіи принималъ участіе въ отечественной войнѣ 1812 г. и въ войнѣ послѣдующихъ годовъ. Въ Турецкую войну 1812 г., при взятіи крѣпости Варны, генералъ Головинъ командовалъ южнымъ блокаднымъ корпусомъ, когда войска наши овладѣли Варной, былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Базарджикской и Бабадагской области: къ этому-то

вліянію, которое оно имѣло на ходъ оныхъ, по важности сама Варны, какъ приморскаго военнаго пункта, черезъ который мія наша получала изъ Россіи всѣ жизненныя и военныя потребности, оно заслуживаетъ особеннаго вниманія и извѣстности.

Имѣя въ рукахъ документы этой тяжкой эпохи, мы составили общій историческій очеркъ хода болѣзни. Трудъ нашъ былъ дополненъ свѣдѣніями отъ генерала Головина, бывшаго, въ 1828 году, высшимъ начальникомъ въ Варнѣ.

Генералъ-адъютантъ Головинъ, по распоряженію главнокомандующаго 2-ю арміею, генералъ-фельдмаршала графа Витгенштейна, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1828 года, былъ назначенъ высшимъ начальникомъ крѣпости Варны, подъ главнымъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Рота, который въ то время командовалъ всѣми войсками, за рѣкою Дунаемъ находившимися.

Такъ какъ цѣлю сей записки есть собственно изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ свирѣпствовавшую въ Варнѣ чумную заразу, и мѣры, которыя приняты были противъ этого страшнаго бича небеснаго, то мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ многосложныя обязанности военнаго начальника этой крѣпости

времени дѣятельности генерала Головина и относится предлагаемая записка. Въ Польскую войну 1831 г., генералъ Головинъ командовалъ особымъ авангарднымъ отрядомъ и, по окончаніи этой войны, принялъ командованіе надъ 6 пѣхотнымъ корпусомъ, съ которымъ и возвратился въ предѣлы Россіи. Въ 1834 г. онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ, предсѣдательствующимъ въ правительственной комиссіи внутреннихъ и дуковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія царства Польскаго. Въ 1837 г., генералъ Головинъ получилъ новое назначеніе: командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и главноуправляющаго гражданскою частію и по заграничнымъ дѣламъ въ Грузіи, Кавказской и Арменской областяхъ. Въ 1842 г., передавъ командованіе Кавказской арміею генералъ-адъютанту Нейгардту, Е. А. Головинъ уѣхалъ за границу, для излеченія болѣзни. Во 1845 г., онъ снова поступилъ на дѣйствительную службу и былъ назначенъ рижскимъ военнымъ, ливонскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1848 г. — членомъ Государственнаго Совѣта; наконецъ, въ 1851 г., во время войны съ Англо-Французо-Турками, формировалъ ополченіе Смоленской губерніи.

Генералъ отъ инфантеріи Головинъ скончался 27 іюня 1858 г., въ родномъ своемъ имѣніи, селѣ Купровѣ, Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда 76 лѣтъ отъ роду.

Тѣмъ изъ нашихъ читателей, у которыхъ явится весьма понятное желаніе ближе ознакомиться съ продолжительной и доблестной служебной дѣятельностію Е. А. Головина, мы можемъ указать на прекрасное періодическое изданіе «Кавказцы», въ которомъ помѣщено весьма полное жизнеописаніе покойнаго генерала. (1859 г., выпуска 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, и 47.)

Ред.

гдѣ находился главный складъ всѣхъ жизненныхъ и военныхъ запасовъ для цѣлой арміи и которая сама по себѣ представляла военный пунктъ существеннѣйшей важности, служа путемъ сообщеній нашихъ войскъ съ отечествомъ, мы обращаемся къ тѣмъ средствамъ, кои находились въ рукахъ генерала Головина, въ отношеніи къ первому предмету.

Въ крѣпости Варнѣ и ея окрестностяхъ предполагалось устройство военныхъ госпиталей, а потому, въ одно время съ назначеніемъ генерала Головина военнымъ генералъ-губернаторомъ крѣп. Варны, ему вмѣнено было въ обязанность очистить въ городѣ дома на два госпиталя, каждый на 1,200 человекъ, и сдѣлать ихъ совершенно годными для жилья. «Устройство самыхъ госпиталей предоставлено было генералъ-интенданту и дежурному генералу арміи; но приведеніе всѣхъ частей ихъ въ совершенное устройство и порядокъ и надзоръ за содержаніемъ больныхъ возложено на непосредственную отвѣтственность военнаго начальника» (*).

По прибытіи генералъ-губернатора на мѣсто, оказалось, что для устройства госпиталей въ цитадели (**), нашлось помѣщеніе только на 900 человекъ; да, сверхъ того, въ домахъ паши и аги помѣщалось 860 кроватей. Кромѣ того, оставалось еще устроить 3 госпиталя 4 класса, на 1,740 чел. Они расположены были, по возможности, въ городскихъ домахъ и въ очищенномъ для сего провіантскомъ магазинѣ. Для помѣщенія же 2,400 больныхъ на лѣтнее время, предполагалось устроить балаганы внѣ крѣпости. Эта послѣдняя, впрочемъ, весьма полезная, мѣра встрѣчала величайшія затрудненія. Хотя устройство плетневыхъ помѣщеній казалось удобнымъ, по находящемуся въ окрестностяхъ лѣсу, но для возки онаго требовалось не менѣе сотни конныхъ и воловыхъ подводъ. Сверхъ того, ощущался важный недостатокъ въ покрывкѣ, потому что соломы и тростника не было, а теса потребовалось бы не менѣе 10,000 штукъ; одна только полевая аптека помѣщалась съ большимъ удобствомъ въ исправленной для сего мечети (***).

(*) См. назначеніе военному начальнику кр. Варны, приложенное къ предписанію графа Витгенштейна, отъ 13 октября 1828 г., № 2176, § 11.

(**) Цитаделью въ кр. Варнѣ называется старый турецкій замокъ, обнесенный каменною стѣною съ башнями, занимающій едва десятую часть всего пространства крѣпости, заключающаго въ себѣ обширное магометанское кладбище, окруженное землянымъ валомъ съ бастіонами и рвомъ.

(***) Донесеніе генералу Роту отъ 11 апрѣля 1829 г., № 1107.

Генераль-адъютантъ Головинъ, обозрѣвъ подробно мѣстность и сообразивъ всѣ предоставленныя ему средства, убѣдился, что избраніе Варны, какъ главной лечебницы для арміи, было не совсѣмъ удачно, что, напротивъ, трудно было найти для сего мѣсто наиболѣе невыгодное, какъ по топографическому, такъ и климатическому положенію города, о чемъ и донесъ вышнему начальству.

Среди этихъ распоряженій и гораздо прежде, чѣмъ лечебныя заведенія были приведены въ нѣкоторое устройство, между болѣзнями воинскими чинами начали проявляться сомнительные признаки. Признаки эти обозначались малыми опухолями подъ мышками, безъ перемѣны цвѣта кожи и почти безъ боли, и сопровождались дальнѣйшими послѣдствіями, о коихъ сказано будетъ ниже. Хотя медицинское начальство скоро убѣдилось въ существованіи заразы, однакожь, незначительность смертности оставляла еще мѣсто къ утѣшительному сомнѣнію. Генераль Головинъ, получивъ донесеніе главнаго доктора варнскихъ госпиталей о свойствахъ сей болѣзни, хотя колебался еще признать ее «моровымъ поветриемъ», однакожь, по первому его рапорту, принялъ немедленно тѣ нужныя въ этомъ случаѣ мѣры, которыя были для него доступны въ Варнѣ, составлявшей единственныя обитаемый пунктъ среди мертвой пустыни. Всѣхъ больныхъ, съ сомнительными признаками заразы, тотчасъ отдѣлили и помѣстили въ лагерьъ внѣ крѣпости, оградивъ ихъ должными предосторожностями. Прекратить сообщеніе съ госпиталями было рѣшительно невозможно, по мѣстному расположенію домовъ и улицъ. Самые госпитали были переполнены всякаго рода больными, а госпитальныя потребности не были еще доставлены. Недостатокъ въ медикахъ былъ слишкомъ ощутителенъ, ибо въ это уже время на одного врача приходилось по 450 больныхъ. Перевести больныхъ въ Бальчикъ (*), гдѣ въ то время въ госпиталяхъ было до 1,200 воровскихъ мѣстъ, не было никакой возможности, по совершенному неизбѣжнѣю транспортныхъ способовъ. Это трудное положеніе дѣлалось еще болѣе ужаснымъ при томъ обстоятельстве, что Варна, будучи единственнымъ каналомъ, черезъ который тогда войска получали средства къ существованію, при открытіи тамъ заразы, могла послужить источникомъ къ распространенію оной въ арміи.

(*) Небольшой приморскій городъ верстахъ въ 25 отъ Варны на сѣверѣ.

Между тѣмъ болѣзнь постоянно усиливалась и ежедневно принимала болѣе и болѣе опредѣлительный характеръ. Замѣчено, что зараза гнѣдилась въ аммуниціи, послѣ умершихъ въ разныхъ госпиталяхъ людей. Военный губернаторъ немедленно просилъ у генерала Рота разрѣшенія предавать такую одежду огню, и вмѣстѣ ходатайствовалъ о скорѣйшей высылкѣ госпитальнаго бѣлья (*), въ которомъ недостатокъ былъ крайне ощутителенъ.

18 мая 1829 года, болѣзнь начала свирѣпствовать съ несомнѣнными уже признаками заразы. 4 іюня одержимыхъ этою болѣзнію было: 267 человекъ, изъ коихъ умерло 114. Выше сказано, что первоначальные признаки обозначались опухолями подъ мышками. Далѣе, опухоли эти появлялись въ пахахъ, съ сильною болью. Смерть постигала обыкновенно прежде, чѣмъ упомянутыя опухоли приходили въ зрѣлость и, наполнившись гноемъ, прорывались. Это послѣднее явленіе служитъ обыкновеннымъ знакомъ, что недугъ уступаетъ жизненной силѣ и къ выздоровленію есть большая надежда. Случается также, что зараза переходитъ въ вередъ, появляющіеся на разныхъ частяхъ тѣла. Вередаети обращаются потомъ въ язвы, которыя, распространяясь болѣе и болѣе, съѣдаютъ всѣ мягкія части тѣла до самыхъ костей и съ трудомъ излечиваются. Чумная зараза совершала обычное свое теченіе въ трое сутокъ; но нѣкоторые изъ заболѣвающихъ дѣлались жертвою смерти менѣе, чѣмъ въ 24 часа. Если, какъ мы сказали уже, недостатокъ врачей былъ ощутителенъ въ началѣ заразы, то онъ дѣлался часъ отъ часу чувствительнѣе съ ея развитіемъ: съ одной стороны, увеличивалось число больныхъ, а съ другой—сами врачи дѣлались жертвою своихъ служебныхъ обязанностей и усердія. Въ началѣ іюня, варнскіе госпитали наполнились трехъ медиковъ; умершихъ со всѣми признаками чумы; сверхъ того, было четверо больныхъ, между ними главный докторъ Крамнъ. Въ карантинномъ отдѣленіи находилось уже въ это время около 200 челов. изъ однихъ командъ гарнизона.

Затруднительность положенія гарнизона крѣпости Варны со дня на день увеличивалась. Кромѣ заразы, которая безпощадно вырывала свои жертвы, гарнизонъ варнскій долженъ былъ ослаблять свои силы отправленіемъ командъ, для конвоирования транспортовъ съ продовольствіемъ и военными

(*) 2 іюня, № 1878.

припасами, которые продолжали посылаться изъ Варны къ дѣйствующимъ войскамъ. Людей едва доставало на двѣ сѣны дѣлѣ крѣпостнаго караула. При чемъ надобно замѣтить, что крѣпость Варна, составляя главный передовой пунктъ въ который упиралась лѣвымъ флангомъ военная наша линия, была, до перехода нашихъ войскъ за Балканы, съ юга совершенно открыта непріятельскимъ покушеніямъ и потому должна была находиться въ оборонительномъ положеніи и ежеминутно готовой къ отпору нападенія.

Въ такой крѣпости, генераль-губернаторъ приказалъ: во первыхъ, прекратить навремя всѣ работы въ крѣпости, даже самыя необходимыя, чтобы дать покой людямъ и имѣть возможность наблюдать за ихъ здоровьемъ; во вторыхъ, всѣмъ проезжающимъ изъ дѣйствующихъ войскъ воспретить входъ въ крѣпость, для чего и почтовую станцію учредить внѣ оной, и, въ третьихъ, всѣхъ торговцевъ, слѣдующихъ къ войскамъ, подвергать тщательному осмотру и окуркѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти и послѣдующія распоряженія генерала Головина немало способствовали къ тому, что зараза, при помощи Божіей, не распространялась между дѣйствующими войсками. Теперь, когда болѣе четверти вѣка отдѣляетъ насъ отъ этой ужасной эпохи, мы сознаемъ всю трудность положенія начальника, предоставленнаго собственнымъ средствамъ, въ странѣ, лишенной всѣхъ нужныхъ способовъ, и имѣвшаго, кромѣ Варны, въ своемъ завѣдываніи всю Базарджикскую и Бабадагскую области, до устьевъ Дуная. Никто болѣе генераль-адъютанта Головина не сознавалъ этого затрудненія. Въ началѣ іюня, онъ писалъ главнокомандующему: «Не имѣя при себѣ ни помощника, ни особеннаго начальника въ Базарджикской области, я не могу успѣть въ отправленіи обязанностей, на мнѣ лежащихъ, и времени достаетъ у меня едва ли только для одной переписки.» (*)

Ко всему этому прибавить должно, что, въ эту эпоху, предложенное генераль-интенданту устройство госпиталей еще не могло быть приведено въ исполненіе, и Варна продолжала нуждаться въ самыхъ необходимыхъ госпитальныхъ вещахъ. Здѣсь нельзя, однакожъ, оставить безъ вниманія особеннаго обстоятельства, которое можетъ послужить указаніемъ при подобномъ случаѣ, которое случилось бѣдствіи, а именно: въ тѣхъ палатахъ, гдѣ

мѣстность и подручныя средства позволяли ввести настоящее госпитальное устройство, порядокъ и опрятность, тамъ чумная зараза наиболѣе развивалась, какъ между больными, такъ и особливо между прислугою. Это объясняется только тѣмъ, что въ чумной заразѣ первою необходимою становится прекращеніе всякаго сообщенія одного съ другимъ, какъ прямаго, такъ и черезъ прикосновеніе къ вещамъ; а это дѣлается невозможнымъ при санитарномъ порядкѣ, гдѣ требуется безпрестанная перемена бѣлья, платья и проч.

Зараза дѣйствовала только въ гарнизонѣ; но 5 іюня оказалась она и между жителями: 2 мужчины, 2 женщины и 2 ребенка заболѣли со всѣми признаками заразы. Это обстоятельство заставило прибѣгнуть еще къ болѣе строгимъ карантиннымъ мѣрамъ: прекращено всякое сообщеніе даже съ судами, которыхъ немало находилось въ варискомъ рейдѣ.

Между тѣмъ, въ гарнизонѣ зараза все болѣе и болѣе распространялась: число больныхъ въ теченіе сутокъ изъ 267 возрасло до 410, выздоровѣло 8, и только до 30 подавали нѣкоторую надежду на выздоровленіе. Изъ числа 21 врача, 4 умерло, 8 заболѣло, на лицо оставалось только 9. Число больныхъ другими болѣзнями простиралось до 4,000. Госпитали уже не могли имѣть никакого медицинскаго присмотра (*).

Въ это время, послѣдовало распоряженіе адмирала Грейга о высылкѣ въ Сизополь (**) морскихъ служителей, находившихся въ Варнѣ. Уступая этому требованію, генераль Головинъ распорядился, чтобы всѣ они, до отправленія на пароходъ, были подвергнуты медицинскому осмотру, и не прежде отправилъ ихъ изъ Варны, какъ удостовѣрившись въ ихъ безопасномъ состояніи. Кромѣ того, и въ Сизополѣ, гдѣ уже знали о заразѣ, они были подчинены карантину.

Всѣ эти обстоятельства побудили главнаго начальника войскъ за Дунаемъ самого посѣтить Варну. Тогда генераль Ротъ лично убѣдился, что всевозможныя мѣры были приняты своевременно и дѣльно. Онъ убѣдился, что большая часть смотрителей и чиновниковъ госпитальныхъ уже сдѣлались жертвою заразы и что обременительность содержанія карауловъ въ крѣпости была одною изъ причинъ, увеличивавшихъ число зара-

(*) Донесеніе главнокомандующему отъ 4 іюня, № 1930.

(*) Главнокомандующему отъ 5 іюля, № 1981.

(**) Приморскій городъ въ Румеліи, на южномъ берегу Бургасскаго залива.

женных (*). Генераль Ротъ призналъ нужнымъ немедленно усилить варнскій гарнизонъ еще однимъ полкомъ, прибавивъ сколько можно, медицинскихъ чиновниковъ и принять нѣкоторые другія необходимыя мѣры, которыя всѣ зависѣли отъ главнокомандующаго. Выписывая здѣсь слова его изъ докладной записки фельдмаршалу: «Я вышелъ во всѣхъ частяхъ по управленію генераль-губернатора гораздо болѣе устройства и почитательства, нежели вправѣ быть ожидать при столь опасныхъ крайнихъ обстоятельствахъ... Генераль-адъютантъ Головинъ и генераль-лейтенантъ Нагель (**), неутомимыми и неуспынными трудами и благоразумными распоряженіями, поддерживаютъ духъ и послѣднія силы своихъ подчиненныхъ личнымъ примѣромъ и присутствіемъ своимъ тамъ, гдѣ опасность наиболее угрожаетъ.... Они безпрестанно подвергаютъ себя опасности не свойственной даже ихъ званію, и забывая, что они принадлежатъ многочисленнымъ семействамъ».

Какъ близка была смертная опасность, доказывается тѣмъ, что генераль-адъютантъ Головинъ потерялъ двухъ своихъ камердинеровъ одного за другимъ: тотъ и другой умерли чумою вечеромъ въ тотъ же самый день, въ который утромъ служилъ при генераль-адъютантѣ Головинѣ.

Генераль Ротъ принялъ живое участіе въ положеніи крѣпости. Тотчасъ послѣ доклада у фельдмаршала, онъ писалъ Головину: «Полкъ на усиленіе варнскаго гарнизона уже вчера къ вамъ выступилъ; равнобрно сдѣлано распоряженіе объ отправленіи къ вамъ палатокъ. Тоже просилъ о прибавкѣ медицинскихъ чиновниковъ.»

Между тѣмъ, зараза появилась въ Сизополѣ. Мы выше видѣли, какія предосторожности были приняты при отправленіи туда изъ Варны морской команды; совсѣмъ тѣмъ, генераль-адъютантъ Головинъ имѣлъ неприятность получить отъ начальника главнаго штаба 2-й арміи, графа Толя, строгое предписаніе разъясненіи этого случая. Въ то же время гвардіи полковникъ Ховенъ слишкомъ поспѣшилъ донести графу Толю, что генераль-губернаторъ не принялъ должныхъ мѣръ предосторожности, при сдѣланіи двухъ ротъ Орловскаго пѣхотнаго полка въ Кюстенджи въ Балъчикъ. Впрочемъ, не одинъ полковникъ Хо-

венъ, но и другіе также мало понимали всю трудность положенія генерала Головина и, не бывъ личными свидѣтелями всѣхъ бѣдствій, иногда весьма опрометчиво доносили въ главную квартиру.

Начальникъ главнаго штаба не преминулъ изъяснить Головину свое негодованіе и насчетъ вышеупомянутыхъ ротъ, тогда тогда какъ обѣ они, не доходя Балъчика, были остановлены нарочно посланнымъ отъ генерала-губернатора чиновникомъ и поддѣргнуты 16-дневному карантину. Генералу Головину не трудно было оправдаться: факты говорили за него; но мы умышленно упоминаемъ объ этихъ темныхъ сторонахъ дѣла, чтобъ черезъ это отдалъ большую справедливость генералу Роту, который, въ докладѣ своемъ фельдмаршалу, рѣшительно возсталъ противъ этихъ обвиненій.

Впрочемъ, взводимыя на генерала Головина ложныя обвиненія скоро разсѣялись, какъ это видно изъ двухъ къ нему писемъ отъ графа Дибича отъ 13 іюня и отъ графа Толя 22 того же мѣсяца, изъ коихъ, въ заключеніе этой статьи, прилагается выписка.

Зараза въ Варнѣ не только не уменьшалась, но, напротивъ, развитіе ея со дня на день становилось горестнѣе. 18 іюня, въ одни сутки, кромѣ нижнихъ чиновъ, умерло 2 штабъ-лекаря, 4 оберъ-офицера и 3 комиссаріатскихъ чиновника.

Такъ какъ между жителями зараза также распространялась, то военный начальникъ всѣми имѣющимися у него средствами содѣйствовалъ къ выходу ихъ за городъ; въ самомъ же городѣ оставалось еще до 1,500 больныхъ изъ гарнизона, которыхъ, по недостатку палатокъ, некуда было вывести. Сила болѣзни была такова, «что заболѣть и умереть было одно и то же» (*).

Въ это страшное время, одна уборка мертвыхъ тѣлъ составляла уже важнѣйшую работу. Госпитальная прислуга исчезала, а замѣщать ее было нечѣмъ. Объ устройствѣ балагановъ нечего было и думать: изъ 2 военно-рабочихъ ротъ, бывшихъ недавно въ хорошемъ составѣ, оставалось только 60 человекъ мастеровыхъ. Вольнонаемныхъ русскихъ работниковъ было около 20 чел.; между тѣмъ, работы на пристаняхъ были необходимы, ибо, кромѣ продовольственныхъ припасовъ, онѣ были завалены только что начинавшими прибывать госпитальными деревянны-

(*) Докладная записка генерала Рота главнокомандующему, № 3.

(**) Начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи. Онъ умеръ въ Варнѣ, но прекрещеніи уже чумной заразы, отъ гнилой горячки.

(*) Донесеніе главнокомандующему 18 іюня, № 2407.

ни вещами, артиллерійскими снарядами и даже турецкою артиллеріею, въ которой уже не было никакой надобности.

При этихъ невыразимо трудныхъ обстоятельствахъ, немалымъ пособіемъ послужили присланные изъ-подъ Шумлы Болгары. Они были употреблены не только для выгрузки припасовъ, на уборку оныхъ въ склады и на необходимыя починки въ крѣпости, но и на самую уборку и зарываніе мертвыхъ, хотя и это послѣднее они не вдругъ согласились, и потому, дабы удовлетворить ужасной этой необходимости, не терпѣвшей ни малѣйшаго отлагательства, надобно было употребить солдатъ. Но такъ какъ среди всеобщаго ужаса смерти и самая военная дисциплина слабѣетъ, то генераль-адъютантъ Головинъ, оставивъ всѣ другія крайне важныя обязанности, на немъ лежавшія, долженъ былъ лично находиться въ чумномъ отдѣленіи, расположенномъ за крѣпостью въ палаткахъ, приказывая при себѣ вытаскивать мертвыхъ, смѣшавшихся съ больными и умирающими. Между мертвецами, которыхъ, такимъ образомъ, вытаскивали и выкладывали на повозки, находилась большая часть людей, нимало не истощенныхъ болѣзнію, со всѣми еще признаками крѣпкаго и здороваго сложенія и въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Къ этому надобно присовокупить, что трупы умершихъ чумою не костенеютъ, а остаются мягкими и гибкими, что и служить вѣрнѣйшимъ доказательствомъ смерти, послѣдовавшей отъ чумной заразы.

Недостатокъ прислуги и медицинскаго надзора былъ такъ великъ, что, при такомъ разборѣ живыхъ съ мертвыми, генераль-адъютанту Головину не разъ случалось слышать голосъ больного: «возьмите отъ меня лежащаго рядомъ со мною: онъ уже сутки, какъ умеръ».

Жители, добровольно вышедшіе изъ города, были расположены, въ разныхъ мѣстахъ, по горамъ, окружающимъ Варну. Немалое число изъ нихъ крайне нуждались въ продовольствіи и генераль Головинъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи помогать имъ мукою и крупкою отъ провіантскаго вѣдомства.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, продовольствіе бѣднѣйшихъ жителей, онъ подчинилъ всѣхъ надзору старшинъ и учредилъ для порядка казачьи разъѣзды. Разъѣзды эти были также необходимы для соблюденія охранительныхъ мѣръ между маркитантами, Армянами, Молдаванами, Жидами и всякаго рода торговцами, ибо въ средѣ ихъ оказалась также значительная смер-

ность. А какъ они, по свойству своихъ занятій, могли сдѣлаться живыми разносчиками моровой язвы, то генераль-адъютантъ Головинъ просилъ главнокомандующаго о присылкѣ къ нему хотя еще одной казачей сотни.

Съ своей стороны, генераль-фельдмаршалъ, видя недостатокъ госпиталей, при усиливающейся заразѣ, приказалъ занять устройство госпитальныхъ балагановъ вблизи Варны, при монастырѣ св. Георгія; но эта мѣра не могла быть приведена въ исполненіе, во первыхъ, потому, что изъ двухъ военно-рабочихъ ротъ оставалось только 28 человекъ, а во вторыхъ потому, что зараза проникла и въ самый монастырь, который уже не имѣлъ, въ этомъ отношеніи, никакого преимущества предъ Варною.

Для прекращенія заразы между войсками и для отдѣленія ихъ отъ города, гдѣ она, по причинѣ бывшихъ тамъ госпиталей и складовъ ношенной амуниціи, могла скрываться еще долгое время, генераль Головинъ рѣшился перевести на южную сторону Варны, къ подошвѣ горъ, всѣ три полка десятой пѣхотной дивизіи. Здѣсь онъ намѣревался подвергнуть этотъ отрядъ опыту, предписанному ему по волѣ главнокомандующаго, графомъ Толемъ, и надѣялся, что онъ будетъ безуспѣшенъ (*). Опытъ этотъ состоялъ въ очищеніи зачумленныхъ вещей посредствомъ погруженія ихъ, на нѣсколько дней, въ воду.

Замѣчательно, что зараза легче всего и быстрѣе сообщалась черезъ посредство платя, продолжительнѣе же всего скрывалась въ бумагахъ, такъ что, начиная отъ канцеляріи военнаго генерала-губернатора, во всѣхъ полковыхъ канцеляріяхъ и госпитальныхъ конторахъ, — словомъ, вездѣ, гдѣ только было писмоводство, едва четвертая часть писарей оставалась въ живыхъ.

Болѣзнь такъ быстро развивалась, что ужасъ сдѣлался всеобщимъ. Сами жители, для которыхъ бѣдствія сего рода не были новостью, были поражены страхомъ. Чтобы дать понятіе о тогдашнемъ положеніи, выписываемъ подлинныя слова генерала Головина изъ рапорта его къ графу Толю отъ 27 іюня, № 19: «Отецъ бѣжитъ отъ сына; мать оставляетъ дочь; торговецъ бросаетъ лавку, чтобы спасти только жизнь. Нѣсколько прибывшихъ сюда изъ Одессы именитыхъ купцовъ, сдѣлавшись жертвою заразы, покинули послѣ себя большіе капиталы въ товарахъ, къ которымъ оставшіеся въ живыхъ ихъ товарищи и прикащики

(*) Рап. нач. штаба 27 іюня, № 79.

не смѣютъ приступитъ, боясь сдѣлаться добычею смерти. Сомнѣвъ, никто здѣсь не увѣренъ, что, будучи въ самомъ здоровомъ состояніи, доживетъ до завтрашняго дня.»

«Трудно представить себѣ, присовокупляеть генераль Головинъ, печальную картину во всемъ ея ужасѣ, но будучи живымъ ея свидѣтелемъ. Конечно, въ бѣдахъ смерть также близка; но тамъ она является витяземъ, въ военныхъ доспѣхахъ и украшеніяхъ съ лучезарнымъ вѣнцомъ чести и славы, между тѣмъ, какъ среди чумной заразы смерть не только безславна, но видъ ея, до высшей степени безобразной, безпрестано являясь передъ глазами, представляется со всеми своими ужасными принадлежностями, тутъ только одно чувство христіанской покорности волю Божіей можетъ подкрѣпить душевныя силы, изнемогающія подъ бременемъ ежеминутной опасности пасть жертвою этого грознаго бича небеснаго.»

Хотя, какъ мы уже сказали, всѣ жители были изъ крѣпости выведены, но приступитъ къ очищенію домовъ не представлялось еще никакой возможности, потому что они были заняты частію имуществомъ жителей, которые, по недостатку способовъ перевозки, не могли взять съ собою даже необходимаго, а частію еще и аммуниціею разныхъ командъ и госпитальными зараженными вещами. Сила заразы была такова, что даже тѣ вещи, которыя не были еще въ употребленіи, но которыя находились тамъ же, получали заразительное свойство. Попытка отдѣлать ихъ отъ зараженныхъ стоила жизни двумъ комисариатскимъ чиновникамъ и шести вахтерамъ.

Затруднительность такого положенія очевидна. Не безъ содроганія описываемъ мы и теперь происшествія, поселившія тогда ужасъ между жителями и гарнизономъ и угрожавшія невыразимыми бѣдствіями всемъ нашимъ войскамъ. Всѣ болѣе и болѣе приходили въ уныніе; но находящіяся передъ нами документы свидѣтельствуютъ, что генераль-губернаторъ постоянно сохранялъ спокойствіе духа и дѣятельную распорядительность. Сознавая всю важность своего положенія, онъ писалъ къ графу Толю (*): «Смѣю надѣяться, что необыкновенная трудность моего теперешняго положенія современемъ сдѣлается очевидною». Кажется, что графъ Толь, отдѣленный значительнымъ про-

(*) Отъ 2 июля, № 2812.

странствомъ отъ мѣста бѣдствій (*), сначала не очень вѣрилъ существованію въ Варнѣ чумной заразы. Эта недовѣрчивость еще очевиднѣе выражается въ распоряженіи начальника штаба отправить вновь больныхъ и раненыхъ для помѣщенія въ госпитали въ Варнѣ, а отуда моремъ въ Одессу, несмотря на то, что мы видѣли уже, каково было положеніе госпиталей, лишенныхъ медицинскаго надзора и далеко еще не снабженныхъ необходимыми потребностями.

Получивъ о семъ повелѣніе графа Толля, генераль Головинъ рѣшился, по прибытіи транспорта съ больными, дать ему ночлегъ въ крѣпости и на другой же день отправить въ Бальчикъ, гдѣ было готовое помѣщеніе слишкомъ на 1,000 человекъ и куда зараза еще не проникала; что же касается до отправки больныхъ въ Одессу, то генераль Головинъ донесъ графу Толлю (**): «что, по настоящему состоянію Варны, онъ не полагаетъ отправленія больныхъ отсюда въ російскіе предѣлы даже и возможнымъ».

По неполнотѣ сохранившихся матеріаловъ, мы не можемъ съ точностію опредѣлить количества заболѣвавшихъ и умиравшихъ въ день; знаемъ только, что число всѣхъ обитателей Варны простиралось до 7,000 душъ и что на это число причиталось болѣе $\frac{2}{3}$ больныхъ. У насъ есть также свидѣніе, что съ 19 мая по 29 июля собственно больныхъ заразою военныхъ чиновъ было 5,123 человекъ, изъ которыхъ умерло 3,436.

Послѣ такихъ столь ужасающихъ событій, послѣ такого множества жертвъ, печальная лѣтопись наша начинаетъ проясняться. Рапортомъ отъ 19 июля, № 25, военный генераль-губернаторъ доносилъ графу Толлю: «что зараза, благодаря Бога, начинаетъ примѣтнымъ образомъ ослабѣвать». Но приведеніе крѣпости въ обитаемое состояніе, посредствомъ очищенія домовъ, еще представляло немало затрудненій, по совершенному недостатку карантинныхъ чиновниковъ, которыхъ ожидали изъ Одессы. Для ускоренія ихъ прибытія, генераль Головинъ отправилъ нарочнаго чиновника къ новороссійскому генераль-губер-

(*) Главная квартира находилась тогда въ походѣ за Балканами, а потому въ Адрианополь. При быстрыхъ успѣхахъ нашего оружія при переходѣ черезъ Балканы и движеніи къ Адрианополю, въ главной квартирѣ арміи, съ полною недовѣрчивостію смотрѣли на извѣстія о чумной заразѣ въ извѣстіяхъ этихъ видѣли преувеличенія бѣдствій, въ чемъ убѣждаютъ насъ имѣющіеся въ рукахъ нашихъ подлинныя документы. *Ред.*

(**) Рапортъ отъ 14 июля № 1931.

натору до Сатунова, гдѣ приказалъ ему ожидать отвѣта, а, между тѣмъ, приготовилъ все нужное, чтобы, съ прибытіемъ чиновниковъ, немедленно можно было приступить къ очисткѣ зданій.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, между болными начала появляться перемежающаяся лихорадка, которая служила уже вѣрнымъ признакомъ прекращенія заразы, а 31 приступлено было къ очищенію домовъ и къ истребленію огнемъ зараженныхъ и остальныхъ вещей. Здѣсь опять досужіе Болгары, о которыхъ мы уже упоминали прежде, снова оказали себя полезными, выдвигаясь добровольно, за умѣренную плату (по 1 р. ассигнаціями въ сутки), содѣйствовать этой опасной работѣ. Снабжаемые отъ госпиталей предохранительною смоляною одеждою, они усердно и добросовѣстно исполняли свое дѣло.

Здѣсь оканчиваются наши матеріалы и здѣсь начинается новая дѣятельность генераль-губернатора по приведенію въ порядокъ города и вѣрренныхъ ему областей, — дѣятельность многосложная и трудная, представлявшая непрерывно борьбу съ препятствіями и увѣнчанная наконецъ полнымъ успѣхомъ, но не входящая уже въ предѣлы нашей записки.

Оканчивая этотъ бѣглый очеркъ одного изъ самыхъ ужасныхъ эпизодовъ кампаніи 1828 и 1829 годовъ, — очеркъ, почти буквально списанный нами съ официальныхъ документовъ, во всей его ужасающей наготѣ, мы останавливаемся на скромной мысли главнаго дѣятеля этой эпохи, выраженной имъ въ приведенномъ выше рапортѣ къ графу Толю: «затруднительность моего положенія *современемъ* сдѣлается очевидною. Время это наступило. Уже минуло съ тѣхъ поръ слишкомъ четверть столѣтія, и мы очевидно убѣждаемся уже не въ одной только затруднительности тогдашняго положенія генерала Головина, но въ великой его заслугѣ отечеству, которому, благоразумными и дѣльными распоряженіями своими, онъ сохранилъ войско, не допустивъ заразы проникнуть въ армію, съ которою состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ.

Послѣдовавшее затѣмъ назначеніе генераль-адъютанта Головина начальникомъ Румелійской области, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, также не было маловажнымъ, какъ это видно изъ письма главнокомандующаго, графа Дибича-Забалканскаго, отъ 1 ноября 1829 года, въ отвѣтъ на просьбу его объ увольненіи, по болѣзни, въ отпускъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо графа Дибича.

Усерднѣйше благодарю ваше превосходительство за поздравленіе съ побѣдою, которою Всемогущему угодно было увѣнчать русское оружіе, я въ полной мѣрѣ признаю промыселъ Божій, испытующій насъ появленіемъ пагубной болѣзни въ мѣстахъ столь важныхъ по настоящимъ военнымъ соображеніямъ. Знаю, что ничто, кромѣ Всемогущей Его десницы, не можетъ предотвратить сего бѣдствія, но, не менѣе того, считаю первымъ христіанскимъ долгомъ не упустить ничего къ отвращенію сей гибельной заразы и увѣренъ, что ваше превосходительство, по сродной вамъ дѣятельности, сдѣлаете все къ удержанію ея въ возможныхъ границахъ.

Настоящее назначеніе ваше въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ можетъ вамъ служить новымъ опытомъ прямой моей къ вамъ довѣренности: Варна есть и будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ, и потому управленіе въ оной не иначе можетъ быть вѣрено, какъ человѣку, въ полной мѣрѣ способному оправдать выборъ начальства. На семъ основаніи, я увѣжденъ въ необходимости сохранить вамъ постъ, нынѣ занимаемый; но если бы театръ войны измѣнился и мѣсто сіе не заслуживало болѣе толикаго вниманія, то я за особое бы счелъ себя удовольствіе видѣть васъ впереди той дивизіи, которая, подъ начальствомъ вашимъ, еще бы болѣе могла приобрести правъ на мою признательность.

2) Отрывокъ изъ письма графа Толя.

.... Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ еще въ особенности завѣрить ваше превосходительство, что если польза службы удалаетъ васъ и подчиненныхъ вашихъ раздѣлять съ нами лавры на полѣ сраженія, то, не менѣе того, служба ваша важна для арміи, и что его сіятельство проситъ васъ быть увѣреннымъ, что ни вы, ни подчиненные ваши ни въ чемъ не отстанутъ отъ своихъ сверстниковъ и товарищей, а паче, если Богъ благословитъ ваши усилія, тогда и гораздо болѣе ожидать можете.

Изъ числа шести человѣкъ рядовыхъ, которыхъ генераль-адъютантъ Головинъ первоначально взялъ съ собою для этой

необыкновенной операци, несмотря на то, что они одѣты б подобно такъ называемымъ въ карантинахъ *моршусамъ*, в жажное, смолою напитанное платье, въ живыхъ остался то одинъ, котораго генералъ Головинъ встрѣтилъ отставнымъ пр проѣздѣ своемъ изъ Тифлиса въ 1842 году, въ Воронежѣ.

3) Письмо графа Дибича.

Съ искреннею признательностію приѣмлю поздравленіе ваг го превосходительства съ изъясненію на меня Монаршею шедр тою, которая тѣмъ для меня драгоцѣннѣе, что ею обязанъ я стоянному усердію, неутомимымъ трудамъ и примѣрному един душію подчиненныхъ моихъ, исполнявшихъ все для достиженіи цѣли, предназначенной Государемъ Императоромъ.

Принимая живѣйшее участіе въ болѣзненномъ положеніи вашего превосходительства, при всей моей готовности испол нить желаніе ваше, я затрудняюсь удовлетвореніемъ изложен наго въ письмѣ отъ 29 октября.

Постъ, нынѣ вашимъ превосходительствомъ занимаемый столь важенъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, что, признаюс я не надѣюсь найти для него генерала способнѣйшаго и кот рый бы могъ дѣйствовать на ономъ съ тою пользою, какая видя теперъ въ управленіи Румелійскою областію, и если оная и по чивляется генералу Роту, то единственно потому, чтобы, соо доточивъ власть военную и гражданскую, доставить имъ обвн черезъ то возможность дѣйствовать еще съ большимъ успѣхомъ.

На семъ же самомъ основаніи подчинена Болгарія генерал лейтенанту Красовскому, какъ командующему войсками, в оной расположенными.

Увѣренный, что ваше превосходительство не поставите мнѣ въ затруднительное положеніе, отказавъ моеи просьбѣ, и остав тесь при настоящемъ званіи до совершеннаго очищенія наших войсками Румелии, я приостановился представленіемъ на Вы чайшее усмотрѣніе прошенія, полученнаго мною при донесеніи вашемъ за № 1355.

С.-Петербургъ.

15 февраля 1853 года.